

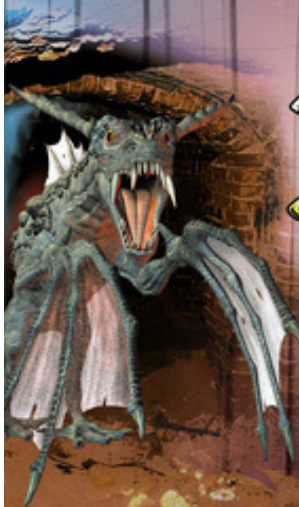
Елена
Усачева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

37

Добро
пожаловать
в кошмар!

Невеста
смерти

Елена Александровна Усачева

Невеста смерти

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823555
Елена Усачева. Невеста смерти: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53919-2*

Аннотация

Экскурсионная поездка школьников под конец учебного года в древний город обернулась настоящим кошмаром... Как раз в это время змеи выползают из своих нор – справлять змеиные свадьбы. Змеи выбирают невесту: самую красивую девушку, и приносят ее в жертву своему покровителю! Но Полина об этом не знала и втянула одноклассников в смертельную схватку с порождениями тьмы, обитающими в темных подвалах старого города...

Содержание

Глава I	4
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

И она пошла. За дверь, на мощный двор, под арку, все вверх, вверх по улице. Туда, где как вечное проклятие нависает башня церкви Олевисте. Самая высокая средневековая башня в городе.

– Пооолиииина!

И вот теперь она стоит тут и с ужасом смотрит в темноту. Домашние тапочки мокрые от вечерней сырости, ладони влажны от страха, на лбу выступил пот. Еще чуть-чуть, и Полина упадет на камни мостовой.

– Поооооооооооо! – вздыхает темнота.

Что же там происходит? Так хочется просунуться сквозь решетку, но здесь она особенно частая. Словно специально сделали.

А темнота манит, темнота зовет.

Полина с трудом отрывает руки от прутьев и будто свинцовыми ногами делает шаг в сторону. Ограда отделяет церковь от улицы. Слева она упирается в стену, справа продолжается воротами.

Даже если они закрыты, она войдет.

Полина прошла вдоль чугунных завитков и переплетений, толкнула створку ворот и оказалась в палисаднике между башней и оградой, сделала несколько тяжелых, словно каменных шагов. Конечно, идти не стоило. Но этот зов... И она будто видела холодные желтые глаза с бездонными зрачками.

«Ты слышишь меня?»

«Да!»

В стене башни зияет черное углубление. Кено-таф¹. Каменная гробница с рельефами. «Танцующие человечки», – как сказал еще днем Макс Макс.

«Ничего тут нет», – вдруг ясно осознала Полина и перестала бояться. Конечно, изваяние на кенотафе страшненькое. Скелет с жабой на впалых ребрах, вокруг шеи обернулась змея.

«Ничего...» – как заклинание повторила она и замерла. Земля под ногами зашевелилась. Она пучилась, вздымалась волнами, опадала и росла опять. Звуки исчезли, осталось одно шипение. Неприятное, тянущее из души силы.

Змеи. Десятки, сотни змей! Они вились и кружились, терлись друг о друга шершавыми боками. В воздухе стоял скрип.

В клубке змей выделялась пара. Она медленно двигалась, не смешиваясь с остальными. Большое серое с темными пятнами тело, маленькая голова. Вторая – чуть меньше.

Пара остановилась. Более крупная змея освободилась от захвата собрата и стала вытягиваться, без видимого движения поднимаясь над клубком тел. Маленькая головка качнулась.

– Пришшшшлааааа.

Полина шарахнулась, закрыла лицо руками.

– Невеста! – полыхнуло в воздухе.

¹ Пустая могила, погребальный памятник в виде гробницы, не содержащей тела умершего.

Сотня змей поднялась, превратившись в колосющееся поле из голов, и, словно соглашаясь, кивнула.

Да! Невеста!

За спиной железная решетка. Справа глухая стена часовни. Слева, как пшеница, колыхается строй змей.

– Мы тебя запомнили. Мы за тобой придем, когда наступит время.

Слова винтом буравили мозг, голова раскалывалась от зудящей боли и страха. Хотелось орать, чтобы только не слышать этот голос.

Полина уже открыла рот, но тут удушающая тишина с треском порвалась. По мощенной булыжником улице Пикк прогрехотал автомобиль. От Ратушной площади донеслась музыка. Рассмеялась проходящая мимо парочка.

Тяжело дыша, Полина смотрела на темную нишу. Свет уличного фонаря падал на фигуру скелета, контрастно выделяя торчащие ребра, грустную ухмылку черепа. Серел острый сустав локтя. Змей не было. Но в ушах еще звенел призыв: «Приходи еще!»

– Вот ведь черт! – выругалась Полина, пытаясь прогнать наваждение.

А ну, как все это сон? Но нависала над ней стена часовни. Упирался в небо шпиль колокольни. Чернел кенотаф. Нет, нет, ее привел сюда голос. И он же обещал позвать опять.

Полина поправила сползшие на кончик носа очки и бочком, бочком пробралась к решетке.

Тишина. А улица так призывно светла...

Странный контраст между двором церкви и городом снова заставил суетиться. Ворота оказались заперты. Страх подкатил к горлу. Как же она входила?

Показалось – за спиной снова растет шипение.

Медлить нельзя.

С трудом взбираясь в тапочках по скользким выступам ограды, Полина влезла наверх и, зажмурившись, спрыгнула на мостовую. Хлопок от подошв глухо разнесся по каменному тоннелю улицы. Эхо толкнуло в спину, заставив побежать.

Дома, дома, они смотрели на нее со всех сторон. Древний город Таллин дышал в спину своими тайнами и легендами, осуждающе поглядывал глазницами окон.

Бежать было тяжело. От пережитого страха дыхания не хватало, но Полина не разрешала себе останавливаться. Вскоре она ступила в черную тень церкви Пюхавайму, и тут же нырнула под арку в темный двор. Пригибая голову, словно боясь, что ее увидят, пробежала под окнами первого этажа, толкнула тяжелую скрипучую дверь.

К церкви было пристроено серое каменное здание, где на первых двух этажах располагался институт католицизма, а на последнем, третьем, устроили гостиницу.

Гулкий каменный холл института, как всегда, пуст. Под лестницей, крутой, деревянной, темнела ниша с «привидением». Их сразу предупредили, что дом не простой. Постро-

ен одновременно с церковью. И как в любом добропорядочном старинном доме здесь живет привидение. Черной кошкой оно выбирается из преисподней, гуляет по этажам, скрипит старыми досками, вздыхает в каменных углах. Поэтому ночью по дому лучше не ходить.

– Сидите в номерах, – жизнерадостно потребовала консьержка, зачем-то зажигая свечу и устанавливая около себя, хотя света в холле и так было достаточно. Наверное, она хотела сжечь своего кота, что пристроился около ее локтя. Сытый такой серый кот. Жмурится в усы, вот-вот заурчит.

Сейчас над конторкой нависла тьма. Она шелестела сотней теней, приглядывалась. Стараясь не поворачиваться к ней спиной, Полина, лопатками перебирала шероховатость стены. Первый этаж позади и можно наконец-то схватиться за перила. На каждой ступеньке Полина каждый раз была готова к тому, что неверное дерево дрогнет и она провалится в пустоту. Показалось, что где-то мелькнул свет, пролетел мимо стремительной молнией. Нет, это в глазах «огоньки» прыгают от крошечной тьмы.

Третий этаж. Полина юркнула направо в свою комнату. Крошечную, угловую, под самой крышей. Щелкнула выключателем.

Потолок косо резал пространство, делая комнату похожей на сундук с покатой крышкой, темная балка натужно упиралась в стену. Окно без шторы смотрело в небо.

– Олёнка!

Кровать соседки пуста. Куда могла подеваться Кожина? Еще днем твердила, что раньше всех ляжет спать, что после тяжелого переезда, когда всю ночь их трясли пограничники – сначала наши, потом эстонские, – впору впадать в спячку.

Или она отсыпается в комнате у мальчишек?

Полина, всю свою страшную пробежку мечтавшая, как придет к себе, как закутается с головой в одеяло, повернулась к двери. Мечты мечтами, но одна в комнате она не останется. А ну как местное привидение нападает на одиноких испуганных девочек? Идет на страх? Нет, бояться лучше дружным коллективом.

Полина шагнула из комнаты и чуть не заорала. В конце коридора высилась белесая громадина. Она покачивалась и вздыхала.

– Зернова, молчать! – приказала фигура голосом Ромки Разоренова. Из белой простыни показалась лохматая голова, она строго кивнула и снова спряталась в ткани.

Ну конечно, мальчишки как всегда развлекаются.

– Где наши? – шепотом спросила Полина.

Из-под простыни вынырнула рука, палец показал в сторону комнаты напротив лестницы.

Полина на цыпочках перебежала коридор и вместе с «привидением» Ромкой приникла к двери.

Сначала было слышно короткое хихиканье, а потом голос Макс Макса прикрикнул:

– Вы слушать будете? Хорош ржать!

– Это он про девушку с белым лицом рассказывает, – зашептал Ромка. Полина угукнула, уточнять подробности не хотелось.

– Когда молодой пастор утром пришел в церковь, то увидел там гроб, а в нем девушку, что он вчера венчал. Девушка была совершенно белая и улыбалась. Пастор созвал совет общины, и решено было похоронить неизвестную за счет деревни. После отпевания четверо добровольцев отнесли гроб на кладбище и закопали. А через неделю пастор почувствовал себя плохо. Заболели и четверо добровольцев. В предсмертном бреду пастор понял, кто к нему приходил. Это была сама СМЕРТЬ!

Последнее слово Макс Макс выкрикнул. Грохнула мебель, раздались крики.

– Дурак! – верещала Олёнка.

– А-а-а! – голосила Танька Кудряшова, но в этом крике было больше смеха, чем страха.

– Ну и ладно, – твердила Машка Кузькина.

– Вот уроды! – говорил Альберт Хазатов, похожий на цыгана.

А Ленка Богданова вздыхала. Свои эмоции она выражала только так.

Ромка толкнул дверь, вваливаясь в номер. После темного коридора свет резанул по глазам, и тут же погас. Крики замесались в узком пространстве. Полина тупо стояла на пороге, а перед глазами, как застывший кадр кино, стояла на мгню-

вление увиденная картинка. На столе сидит долговязый кри-
возубый Макс Макс, во весь рот хохочет, машинально рас-
правляя и ловя йо-йо – с ним он последнее время не рас-
стается. Длинноволосая Танька, после диснеевского мульти-
ка прозванная Рапунцель, широко распахнула глаза и то ли
пытается засмеяться, то ли – испугаться. Смуглая Кузькина
ухмыляется – Машке вечно все нипочем. И только Ленка в
панике заваливается за кровать – у Богдановой хорошая ре-
акция, недаром стрельбой занимается. Хазатов зло скалится.
Чужой страх его только веселит.

– У-у-у-у! – подвывал Ромка, носясь по комнате и раз-
брасывая зазевавшиеся стулья. – Я дружелюбное привиде-
ние Каспер!

Над грохотом и визгом носился жизнерадостный гогот
Макс Макса.

Вспыхнул свет.

– Что это такое?

Предыдущая картинка сменилась перед глазами Полины
новой. Все девчонки сгрудились на одной кровати. Ромка
в сбившейся простыне замер около окна. Макс Макс готов
вот-вот свалиться со стола от хохота.

– Я спрашиваю, что это такое?

Зоя Игоревна грозно сверкнула зелеными глазами в сто-
рону Полины. И не придумала ничего лучше, как ляпнуть:

– Спать ложимся.

Грохнулся на пол Макс Макс, загремев всеми своими мо-

щами, Ромка нарочито коротко приснул.

– Ну и дура, – поджала губки Олёнка.

– Завтра на весь день оставляю в гостинице, – подлила в голос железа классная руководительница.

На ее угрозу внимания не обратили. Что им слова равнодушной к ним вчерашней студентки? Игоша была первый год после института и справиться с буйным седьмым, а теперь уже восьмым классом даже не пыталась. Кричала скорее для проформы.

– Разоренов, что у тебя на голове?

– Волосы. А вы что видите? – схамил Ромка.

– Всем спать! – брызнула в пустоту словами Зоя Игоревна. Никто не шевельнулся. – Я жду! – стукнула она ладонью по распахнутой двери.

– Выметайтесь, выметайтесь! – подбодрил застывших девчонок Макс Макс.

– Максимихин! Поласковой, – зачем-то одернула его Игоша.

Девчонки собирали потерянные тапочки и сорванные с волос резиночки, выползали в коридор.

– Где ты была? – Олёнка подхватила под руку Полину. – Макс такую историю рассказал.

– На улицу ходила. – Вспоминать свою незапланированную экскурсию к церкви Олевисте не хотелось.

– А я смотрю, тебя нет, иду в коридор, там девчонки толпятся. Ну, мы и пошли к мальчишкам. Ромка прикольный,

да, как Карлсон?

– Ничего прикольного, – выдернула свой локоть из цепких пальчиков Полина.

– Ой, а история страшная. Я такую раньше не слышала. Про девушку-смерть. – Кожина вдохнула побольше воздуха и начала рассказывать: – Приходят к священнику неизвестные и просят срочно обвенчать молодых. Делать нечего, он идет в церковь и видит там странную пару. Бледную девушку в свадебном платье и юношу с невыразительным лицом. А наутро...

– Хватит. – Что было наутро, Полина знала. – Ты спать хотела.

– Ой, я теперь не усну. Так испугалась.

Знала бы подруга, как всего полчаса назад испугалась Полина, верещала бы меньше. Или наоборот, больше?

– Ой! – вдруг встрепенулась Олёнка и снова повторила свой вопрос: – А ты-то где была?

– Гуляла.

– Где? – Кто Кожиной в лапки попадал, живым не выбирался.

– Где, где... На улице!

– А чего ты одна пошла? Могла бы и меня взять!

– Знаешь, – приблизилась к подруге Полина, – я змей видела.

Сказала, чтобы от нее отстали, но Олёнка проявила странную резвость.

– Да тут на каждом углу по змее! – фыркнула она. – Ты их флюгеры видела? А водостоки?

Да, водосток один был особенно примечательный. Огромный зеленый дракон торчал на фронтоне Ратуши.

– А лавки на первом этаже видела? – шептала прямо в ухо Кожина, отчего становилось щекотно и как-то неожиданно тревожно. – Там монстры какие-то вырезаны! Пойдем, посмотрим?

Полина замотала головой, но Олénка уже рвалась в бой.

– Мы быстро! – вцепилась она в подругу мертвой хваткой и потащила к лестнице.

За спиной осталась спасительная дверь в комнату. Счастье было так близко: лечь, закутаться в одеяло, спрятать голову под подушку...

Кожина неслась вниз.

– Там кто-то такой был, с цветком на башке. Я не разглядела, – орала она. – Мы сейчас тихо все посмотрим, и назад.

– Не шуми, – молила Полина, чувствуя, как ступеньки ускользают у нее из-под ног.

– Я думала, ты заметила! – еще громче выкрикнула Олénка и остановилась.

Холл первого этажа напоминал музей. Балки уходили в стены, подпорки норовили встретиться с зазевавшимся лбом. Конторка консьержки, запертые двери в университетские аудитории. Вдоль стен – лавки. Массивные, неповоротливые конструкции с низкими спинками и неудобными под-

локотниками.

– Вот здесь. – Кожина присела около ближайшей лавки. – Только видно плохо. – Она потерла пальцем деревянную резьбу, как будто от этого станет светлее. – На башке цветок, хвост и крылья.

Полина склонилась. Стоять одной было страшно, лучше ближе к подруге, а то и вообще взять ее за руку, прижаться щекой к плечу.

– И тело такое, как у змеи...

Полина увидела... Серое чешуйчатое тело с темными разводами, черный круглый зрачок. Маленькая аккуратная головка, чуть покачивается длинный, раздвоенный язык. Пасть широкая, по бокам закругляется вверх, к глазам, словно рептилия улыбается. Змея кивнула. Как знакомой. На головке золотым венцом полыхнула корона.

Все это Полина успела заметить в одно мгновение, когда вдруг стало светло.

– Это что такое?

Перед ними стояла высокая худая женщина с сильно осветленными волосами. Крылья ее носа гневно раздувались. Подведенные черным глаза недовольно щурились.

– Что вы здесь делаете?

Женщина была бледна нехорошей белизной. Все это в сочетании с черными глазами делало ее похожей на привидение.

Сил кричать не было. Полина рванула к лестнице. За ней

горохом сыпался топот Олёнки. В дурном молчании они взлетели на свой третий этаж. Дверь комнаты была закрыта. На мгновение Полина решила, что она заперта. Что все пропало. Что их сейчас догонят. И этот страшный черный змеиный взгляд поглотит ее и все вокруг.

Она и не заметила, что дверь давно открыта, Кожина стоит в номере, ее плечи обливает теплый желтый свет.

– Чего застыла? – грубо спрашивает Олёнка.

Один шаг. Переступить порог, чтобы оказаться там, где спасительно светло.

– Полиииынаааа, – зовет из темноты лестницы голос.

Зернова обернулась. Мрак ступенек манил к себе, он следил за ней застывшим черным зрачком.

– Да иди ты! – дернула ее Олёнка за рукав. – Ой, ну что ты там стоишь!

Дверь захлопнулась. Полина рухнула на кровать.

– Еще бы чуть-чуть постояла, и к нам бы Игоша вышла, – возмущалась Кожина. – Тебя к полу приклеили, что ли?

– Ты не слышала? Вроде как будто звал кто. – Голос у Полины дрожал.

– Ой, консьержка ругалась, наверное, – отмахнулась Олёнка, сбрасывая тапки и залезая в кровать. – Игоша запретила дальше нашего этажа соваться.

– Разглядела, кто это был? – Полина хотела избавиться от назойливого змеиного взгляда. Закрывала лицо руками, но он все буравил ее остановившимся зрачком.

Так она и провела всю ночь в полузабытьи, постоянно лоя себя на том, что не спит, а смотрит в окно, прислушивается, не проскользнет ли среди звуков знакомое шуршание и шипение.

На следующее утро завтрак был прост – чай или кофе, тосты с джемом и порционный йогурт.

– Похудеем, – с тоской в голосе сказал тощий Макс Макс. – Штаны спадать начнут.

– Максимихин, – одернула начинающийся бунт учительница. – Поел – убери за собой посуду.

– У нас в кафе самообслуживание, – демонстративно взяв не распакованный контейнер с йогуртом двумя пальчиками, с улыбкой произнес Макс Макс, – покушал, – контейнер полетел в мусорное ведро, – убирайся сам.

– Максимихин! – покачала головой Зоя Игоревна. – Допрыгаешься.

– Макс, прекрати! – зашипели на него со всех сторон девчонки.

– А чего-нибудь еще пожрать нельзя? – Макс Макс брезгливо смотрел, как Ромка выскабливает ложкой бело-розовую массу из стаканчика.

– Иди в любое кафе и ешь!

– Тебе моего зайца мало? – напомнила о вчерашней пропаже Кожина. – Съел и не подавился?

– Вы вчера сожрали целого зайца? – тут же подключился к игре Макс Макс.

– Это ты его сожрал, – перегнулась через стол Олёнка. – Зайца верни.

– Да кому нужен твой собиратель моли!

– Тебе и нужен.

– В гробу я его видел! В белых кроссовках.

Кожина выпрямилась, привычно заправила за ухо прядь белесых волос.

– А куда он делся?

– Я откуда знаю. Лучше скажите, кто стащил мои крекеры. Чего я жрать-то буду, в самом деле! Хазатов, ты около сумки вертелся. А потом всю ночь чем-то хрустел.

– Костями, – поддакнул Ромка.

– А ты докажи! – кинулся в бой Альберт. – Сам сожрал, а на других сваливаешь! Не видел я твои крекеры.

– Конечно, не видел, – накалялся Макс Макс. – Чего на них смотреть? Ты их жрал.

– Я тебе сейчас дам – жрал! В лобешник за вранье хочешь?

– Прекратили! – опомнилась Зоя Игоревна. – В обед наедитесь! Разошлись по углам.

– Ну и ладно, – развернулся Макс Макс к выходу, как-то подозрительно легко сдавая позиции. На палец он уже пристраивал кольцо от йо-йо.

– Стоять! – Зоя Игоревна хлопнула в ладоши, да так громко, что ложечки в стаканах звякнули. – Выходим все вместе! В доме от меня ни на шаг!

Макс Макс от неожиданности чуть не выронил игрушку. Он стал нервно подергивать рукой, заставляя йо-йо летать вокруг себя. Все, как замороженные, смотрели за его быстрыми движениями. Даже Ожич оторвался от чашки с чаем. Вчера Максовы страшилки он не слушал, а потому был самым бодрым за столом.

– А что мы сегодня делаем? – подала ангельский голосок Олёнка – когда надо, она могла стать милым примерным ребенком. – И кто стащил моего зайца?

– До обеда сами гуляем по городу, а в два придет экскурсовод. Твой заяц наверняка валяется под кроватью. И не лезьте ко мне со своей ерундой.

– Магазины, магазины, – зазвенело заветное слово над девичьими головами.

Олёнка насупилась. У нее родилось подозрение, что зайца взяла Зоя Игоревна. Зачем? А главное – отдаст ли?

Полина опустила взгляд в свой стаканчик с йогуртом. Пять дней. Пять мучительных дней. Она бы их с большим удовольствием все дома провела. И никуда не ходила. Дел много – компьютер, телевизор, в чате посидеть, гитару сто лет в руки не брала, осенью начнутся занятия в клубе, а она ни одного аккорда не помнит.

Окрыленные грядущими покупками девочки собрались мгновенно. Мальчишки еще не успели из своего номера выйти, чтобы похулиганить, а они уже толпились около лестницы, первыми заспешили вниз.

– Я вас просила, чтобы дети не бегали по этажам.

Из-за конторки встала вчерашняя бледнолицая женщина. Подведенные черным глаза, белые короткие волосы, светлое длинное платье. Губы сжаты в тонкую полоску.

«Дети» ухмылялись, являя вид полного равнодушия – кто жвачку жевал, кто в сторону смотрел. Макс Макс терзал запутавшийся йо-йо.

– Это – дети! Что вы от них хотите? – Зоя Игоревна перед зеркалом поправляла ядрено-зеленый шарф. Ей было плевать на слова хозяйки. Ее больше волновало, как лежат малахитовые бусы у нее на блузке.

– Вот именно – дети! – Хозяйка, она же консьержка, перегнулась через конторку, но ближе не подходила. – Я уже в прошлый раз натерпелась от... – она сделала выразительную паузу, – детей. Вы знаете, что они здесь натворили?

– Не надо выдумывать сказки, – резко повернулась Зоя Игоревна. – В прошлый раз были ребята из нашей школы. Девятый класс, я их хорошо знаю. Запугали детей своими выдумками, вот они и стали видеть черт знает что!

– Они утверждали, что были в подземелье Калева, что разрушили проклятие розенкрейцера, что справились с Ярвевана! – Консьержка выпрямилась. – Я была против вашего приезда!

– Хорошо, что наш приезд не от вас зависел, – Зоя Игоревна сверкнула лукавым взглядом молодых серо-зеленых глаз. – У нас договоренность с институтом. Не забывайте, что

ваши студенты в это время живут в Москве в нашей школе.

– Я уверена, они не ведут себя так... так... – Хозяйка не могла подобрать слова.

– Уверена, – передразнила ее Зоя Игоревна, – что у нас они чувствуют себя, как дома. – И поманила своих подопечных. – Что застыли, раскрыв рты? Идем! Максимихин, убери эту гадость!

Макс Макс намотал конец нитки на катушку и послал йойо в сторону девчонок, те скорчили недовольные рожицы.

– Я требую, чтобы дальше третьего этажа никто не ходил, – в спину им крикнула хозяйка.

– Конечно, Рута Олеговна. Они не будут ходить.

Пока взрослые ругались, Полина мельком глянула на боковину скамьи. На ней и правда был вырезан змей. Изогнутое тело, на пузе цветок. Львиная распахнутая пасть с вырывающимся пламенем. Не змей. Дракон. Вон и крылья за спиной. И корона – два свисающих завитка.

Дракон. Сказочный. И никакой реальности. Разочарованная, она вместе со всеми вышла во двор.

– Ну, и кто вчера партизанил?

Маленький двор гостиницы радостно подхватил слова учительницы, эхом швырнул в высокие стекла. Мальчишки, как по команде, отвели глаза. Девчонки завздохали, всем своим видом демонстрируя, что они ни за что не нарушили бы приказ.

– Ой, Зоя Игоревна, – протянула Олёнка. – Да никого там

не было. Кошка, наверное, пробежала, вот она и кричит.

– Какая кошка? – простонала учительница.

– Черная, – встрял Макс Макс, по ходу отрабатывающий трюк с йо-йо. – Она на столе всегда сидит.

– Почему черная? – На солнышке Полине стало лучше, ночные кошмары отступили. – Серая. Только что там была.

– Где же серая, когда черная! – поддержала Макс Макса Кожина.

Полина пару раз хлопнула ресницами. Серый толстый кот, в темную полоску. Усы с метр. Сидел, жмурился. На крики не реагировал.

– Серый. – На мгновение мир вокруг зерновой покачнулся. Она снова почувствовала себя около церкви Олевисте, где под ногами клубок копошащихся змей. – Серый кот.

– Да ладно, серый! Черный! – Макс Макс заставил игрушку прыгнуть в кулак и метнулся ко входу в институт.

– Стоять! – крикнула учительница, но было уже поздно, народ наперегонки пытался пробиться к двери.

Полина тоже протиснулась в холл института. Перед ней памятником возвышался Макс Макс, рядом Ромка и Ожич.

«Серый, серый, серый», – как заклинание твердила она.

На звук скрипнувших петель Рута Олеговна резко выпрямилась. Лестница, под которой она стояла, загораживала верхний свет, так что ее бледное лицо оказалось перечеркнуто черной тенью по диагонали от правого виска к левой скуле.

– А где кот? – Первым к конторке подскочил Макс Макс.

– Что вы делаете? – дребезжащим голосом спросила хозяйка.

– Здесь кот сидел, – Макс Макс хлопнул ладонью по столешнице, отчего в воздух взвилось веселое облачко пыли.

– Нет никакого кота, – пошла на них консьержка. – Убейтесь!

– А он серый или черный? – Полина не могла отвести взгляда от стола. Пыль. Это неправильно. Если кот там сидел, то никакой пыли быть не может.

– Вон! – Рука в белом балахоне показала в сторону выхода, где в дверном проеме маячили любопытные рожицы.

Гурьбой вывалились на крыльцо.

– Серый! – прошептала Полина, не чувствуя уверенности в своих словах.

– Черный! – скривился Макс Макс. – Ты что, не видела, как она кота в нишу пустила?

– Ага, чертей завлекает, – поддакнул Ромка, благоразумно все это время простоявший во дворе.

– Черный, черный, – пошла против подруги Олёнка.

– Да не было там никакой кошки, – учительница хмурилась. – Или мы так и будем здесь ее караулить? Пойдем, я покажу, куда она убежала.

– Вы знаете, куда идет ход из ниши? – простодушно пролепетала Рапунцель.

– Чего тут знать-то? – Зоя Игоревна поманила за собой:

– Не отставайте!

Все потянулись послушной вереницей на улицу Пюхвайму, и только Сарымай Ожич, прозванный ребятами, не любящими ломать язык на сложных именах, Саранчой, горько качал головой, под нос бормоча свое любимое «однако». Он привык, что в классе его либо не замечают, либо высмеивают, поэтому со своим мнением вперед не лез. Хотя в цвете кошки не сомневался. Конечно, черная. А как иначе? Ему ли, жителю Алтая, об этом не знать?

Глава II

Черная кошка на крыше

Узкая улочка вывела их на перекресток. Справа высоким крыльцом выступал магазин марципанов, вперед убегала улица Пикк со строгими рядами сомкнувших строй средневековых домиков. Проулок налево вел к сувенирным магазинчикам. Город бросал под ноги гостей солнечные блики.

– Ну что, богатыри русские? – усмехнулась Зоя Игоревна. – Куда пойдем? Направо, налево или прямо?

– Вы обещали кошку, – напомнила Полина.

– Будет вам кошка. – Учительница нырнула в разноцветье сувенирных магазинов. – Запоминайте дорогу. Подземный ход именно так и идет.

Она быстро пошла вперед, не заботясь о том, что ее подопечные потеряются. Но никто и не пытался отстать. Они спешили за учительницей, чуть не снося рекламные щиты около магазинов. Через несколько шагов все вышли на Ратушную площадь. Сонные кафе только начинали работать, чистая брусчатка блестела на солнце, в вышине стремительно носились стрижи.

На площади ребята не задержались, свернули налево к старой аптеке Магистрата, чья вывеска занимает чуть ли не половину фасада дома. И снова стены сомкнулись, не про-

пуская солнца. Улица вырвалась на новый перекресток, чтобы упасть в очередную темную арку. Здесь еще дремала ночная прохлада, зазевавшиеся тени жались по углам, со стены справа дышали холодом старые расколотые плиты.

– Это плиты из Доминиканского монастыря, – почему-то шепотом сказала учительница. – Он находился тут за стеной. Целый квартал занимал. Если не знать про монастырь, ни за что не догадаешься, где он.

– А что с ним стало? – спросил Ромка.

– Его разгромили в шестнадцатом веке. Тебя тогда еще не было.

– Чего не было? – остановился обиженный Ромка. – Может, был.

– О! Дункан Маклауд из клана Маклаудов, – прыснул Макс Макс, запуская в приятеля йо-йо. Разоренов попытался перехватить игрушку, но как всегда промахнулся.

– Это же монастырь. За что его громить? – подал робкий голос Сарымай.

– Зажрались! – раньше учительницы отозвался Макс Макс.

– Ты, конечно, больше всех знаешь! И убери эту гадость! Теряя слушателей, учительница быстро шла по проулку. Ребята задерживались посмотреть забранные толстым оргстеклом раскопанные подвалы Старого города, цеплялись взглядами за широкие витрины магазина керамики.

– Кошка! – вдруг крикнула Зоя Игоревна, нарушая свой

же запрет не шуметь.

Кто успел вскинуть голову вверх, тот увидел между каменными перекрытиями-стяжками, спрятанными под стилизованной черепицей, темную фигуру. Девчонки, как по команде, завизжали. Кто-то замешкался, пытаясь взглядом поймать прячущуюся фигуру, но его уже толкали, и ничего рассмотреть было нельзя. Крик заметался в узком переулке, нырнул в распахнутую дверь ближайшей мастерской. Старый толстый мастер в очках отвернул лицо от пышущей жаром печки. Стаканы в его витрине отозвались недовольным звяканьем.

– Ну что вы бегаєте, – веселилась Зоя Игоревна. – Ее отсюда хорошо видно. Вон, смотрите.

Девчонки еще вздыхали, Сарымай твердил свое «однако», но вот и самые неугомонные замолчали.

Между двумя перекрытиями была видна черная кошка. Она пристроилась на крышке печной трубы, готовая вот-вот прыгнуть и убежать.

– Так она не живая, – как всегда первый подал голос Макс Макс.

– Сейчас день. – Зоя Игоревна кокетливо поглядывала в распахнутые двери на толстого мастера. В ответ тот хмыкнул, поправляя очки, покачал головой и вновь взялся за трубку, на конце которой дрожала стекловидная масса. Это был стеклодув. – Ночью убежит. Где ж ты днем черную кошку видел?

– А чего на них ночью смотреть, если в темноте они все одинаковые? – уперся Макс Макс.

– Зачем она здесь сидит? – посыпались новые вопросы.

– Какие будут версии? – учительница все еще косилась в сторону стеклодувной мастерской, где в руках мужчины из бесформенного куска расплавленного стекла стало проявляться нечто определенное.

– На солнышке греется, – выкрикнул Ромка.

– Для красоты, – тихо произнесла Ленка Богданова.

– Трубу держит, чтобы не снесло, – фыркнула Олёнка. Она всячески пыталась привлечь к себе внимание, чтобы ненароком вызнать про своего зайца.

– Чтобы кому-то дорогу перебежать, – буркнул Сарымай. Чего тут гадать-то? Вот бестолковые!

– Правильно! – сверкнула белозубой улыбкой Зоя Игоревна. – Этот черный кот пробежал между городом и Доминиканским монастырем, после чего они поссорились, и монастырь прекратил свое существование. Все логично.

– А чего поссорились? – Горохом скакали вопросы.

– Произошло-то что?

– А зачем сразу громить?

– Ничего себе – поссорились. Даже плиты расколошматили!

– Обманули, – снова выделился Макс Макс, от разочарования пряча игрушку в карман. – Это не та кошка. Вон и Зернова говорит, что она серая была.

– Ну, тогда «та» кошка сидит в другом месте, – Зоя Игоревна послала прощальную улыбку стеклодувному мастеру, чем вызвала у него очередной недовольный вздох, и смело шагнула под перекрытия, в арку, которую так ревностно сторожил черный зверек.

Свернув налево, они обогнули спрятавшийся за глухими стенами разгромленный доминиканский монастырь, опять свернули налево и каким-то образом оказались около своей гостиницы.

– Чертовщина, – пробормотал Сарымай и привычно добавил: – Однако.

Переулки, повороты, и вот они уже стоят около серого мрачного здания, своей неприветливостью заметно отличающегося от нарядно-праздничных домиков справа и слева.

– Чего-то знакомое, – пробормотал Макс Макс.

– Смотри внимательней.

Ребята дружно стали изучать стены здания. Первым приснул Ромка.

– Свои, – заржал он в голос. – Смотрите, свои!

Охранник у дверей прикрыл глаза, словно ему было неудобно смотреть на веселящуюся компанию.

На табличке сбоку от двери значилось: «Посольство Российской Федерации».

Все с криком и гиканьем кинулись к крыльцу, словно не они еще день назад были дома. Зоя Игоревна не пыталась их остановить. Это было бесполезно. Допрыгавшись до грозно-

го окрика охранника, ребята вернулись к учительнице.

– А зачем мы сюда пришли? – стали вспоминать они.

– Да, зачем?

– Зачем?

– Кошка! – крикнула Зоя Игоревна, выбрасывая руку вперед и вверх.

Охранник едва не оглох. Девчонки визжали, парни улюлюкали. С крыши дома свесился здоровенный каменный зеленоглазый кот. Цвет глаз особенно подчеркивала зеленая полоса, бегущая по фронтому здания под козырьком крыши.

Полине показалось, что кот своими ненормальными зелеными глазами смотрит прямо на нее. Отошла подальше. Встала так, чтобы не видеть зверя.

– Кстати, черный кот символ вашего класса, – учительница шла прочь, заставляя ребят подтягиваться за ней. – Он знак любопытства!

Молчание длилось ровно минуту, потом снова появились вопросы:

– А куда мы идем?

– А что за кот?

– А почему кот?

– А обедать когда будем?

– А шопинг?

– Значит, так, – учительница остановилась. – Кто по магазинам, может идти, через два часа, ровно в час я жду вас на Ратушной площади. Если кому еще интересно поискать

котов, то пошли со мной.

– А еще есть?

– Здесь много чего есть. Мы можем посмотреть поросят, олененка, жабу, заглянем в кукольный музей, где есть комната ужасов с оживающими мертвецами. Ну, и посчитаем местных драконов.

– Почему драконов? – захлебнувшись на последнем слове от внезапно накотившего страха, спросила Полина.

– Потому что Таллин – город драконов.

Зоя Игоревна не стала смотреть, кто уходил за покупками, а кто остался с ней. Она заспешила вниз по улице Пикк, вывела всех к городскому валу, заросшему травой, где среди камней пряталась скульптура олененка. Потом постояли около старого деревянного колодца. В окошке дома рядом с ним пристроились две симпатичные хрюшки, поддерживающие цветочный горшок. Ребята пытались считать драконов, которых в городе оказалось несметное множество – вырезанные в камне, жестяные ветряки, огромные барельефы. Грифоны, аспиды, змеи. Когда они вернулись на Ратушную площадь, у Полины увиденное мешалось в голове. Ей казалось, что они долго ходили кругами по небольшому пятаку, а все, что им показывали, было всего лишь декорацией, которую ловко меняла сама Зоя Игоревна. И теперь она стояла, задрав голову, глядя на зеленое чудище, с разверстой алой пастью, с острыми клыками, торчащими внутрь, с длинным жестяным языком. На голове у дракона красовалась золотая

корона. Он был бы поистине страшен, если бы не колокольчик, похожий на орех, подвешенный к верхней губе монстра.

– Представляешь, раньше такие водостоки были везде. – Зоя Игоревна, оказывается, стояла рядом. – Средние века. Они тогда верили, что дракон защитит их от огня и от воров. Эстонские домовые были очень уж вороватыми существами. Они превращались в летающие огненные шары с хвостами, врывались к соседям и крали у них все, что под руку попадется. Добычу потом несли хозяину. Драконы таких выслеживали с флюгеров и давали знать обитателям домов. Здесь поблизости есть еще один водосток в виде дракона. Хочешь, покажу?

У Полины хватило сил только на то, чтобы отрицательно качнуть головой. Такое количество тварей повергало в уныние. Как будто ее окружили, затянули в кольцо. Холодное змеиное кольцо. И зачем она пошла вчера к Олевисте?

– Слушайте, жрать уже охота! – снова напомнил о своем существовании Макс Макс.

– Ну, вот и пойдем, жрать, – тихо согласилась учительница и повела свою паству вдоль Ратуши к еле приметной двери, за которой начинались ступеньки в подвал.

Кафе... да не кафе, а настоящая таверна называлась «Тристан и Изольда». Холодные каменные плиты, низкий потолок, массивные деревянные столы и табуреты, высокие кадушки, потемневшие балки знакомо упираются в необработанные шершавые стены. Небольшой прилавок. С потол-

ка свисает цепь, к которой за крюки подвешены глиняные плошки. У стены маленькая печка, где за прозрачной стеклянней дверцей набухают-подходят пирожки.

– Чего дают? – громко спросил Макс Макс, уверенный, что его никто, кроме своих, не поймет.

– Чего надо, то и дают, – в тон ему ответила из-за прилавка молодая полная девушка.

Обсуждающий увиденное народ тут же замолчал.

– Подходи, выбирай, чего будешь, ложку доставай.

– Какую ложку? – смутился Макс Макс.

– А ты без ложки пришел? – хохотнула девушка, вкусно округляя и чуть ломая слова. – Вот так едок.

За Максовой спиной захихикали.

– У меня ложка есть, – вышел вперед Сарымай, действительно доставая из рюкзака складную конструкцию с ложкой и вилкой.

– Суп? – уточнила продавщица.

– И пирог, – ткнул ложкой в жаровню Сарымай.

– Вот это Саранча! – с уважением зашептались за спинами. – Зажег.

Девушка дернула с цепочки плошку. Звякнуло прикрепленное к глиняному ушку кольцо. Щедрый половник опустился в коричневое варево.

– Ну, кто еще с ложкой?

– Я! – выскочила перед одноклассниками Олёнка.

У нее и правда в руке была ложка. С деревянной ручкой.

Полина посмотрела туда, откуда подруга рванула. Над кадушкой на небольшой полочке стояли два пузатых глиняных стакана с ложками.

– И у меня есть ложка, – слишком рано крикнула Полина. Она только еще бежала к полочке. В следующую секунду бочка недовольно загудела, отзываясь на неласковое обращение – десяток рук потянулись к полочке, чуть не снеся стену.

– Ну что же, – в улыбке эстонки мелькнуло недовольство. – Значит, всем суп.

Как первые взявшие еду, Сарымай с Олёнкой и Полиной устроились в самом выгодном месте за маленьким столом около низкого забранного решеткой окна. Стекло здесь было толстое и неровное, словно слюдяное. Сквозь него все представало в причудливо-размытом виде.

Горячий сильно перченый суп зажигал во рту пожар, который так приятно было заесть теплым слоеным пирожком. Они успели съесть по половине, между столами успел попрыгать Макс Макс, нанизавший на вилку здоровенный соленый огурец из кадушки, когда Полина поперхнулась и перестала работать ложкой. По ногам потянуло сквозняком. Свечки на столах присели, на мгновение прервав свой танец. За окном потемнело.

– Полиииина! – позвал веселый голосок.

Это были не свои, не резвящийся Максимихин, не быстро работающий ложкой Ромка. Звали из соседней комнаты.

Полина выбралась из-за стола и пошла в другой зал, все еще не выпуская ложку из руки. Мимо проплыла добродушная улыбка девушки за прилавком, быстрый взгляд Зои Игоревны. Вторая комната оказалась ниже и темнее. Здесь не было окон, только тяжелые копящие светильники, теряющиеся в полумраке лавки.

Зов бил по ногам, тянул идти все вперед и вперед, пока не упрешься в стену, не пробьешь ее и не пойдешь дальше.

– Полина! – тоненько звенело в воздухе.

Зернова прижала к себе ложку. Сил сопротивляться не было. Она плыла на звук, идущий от угла, где темнел камин. Еле теплились угли. Тающие огоньки перебежали с одной головешки на другую, подмигивали лукавыми глазками, перешептывались: «Полиына».

– Зернова!

От неожиданности, от страха, схватившего за плечи, Полина вздрогнула, уронила ложку. Хлопнула входная дверь.

– О! Как тут весело, – воскликнул вошедший, и гам в зале, где обедали ребята, смолк.

Огоньки последний раз пробежали змеиным кругом по углям и погасли. Полина стояла около пустого камина. В нем не было умирающего пламени, пепла, головешек. Он был чисто выметен. По стенам не чадил факелы, лишь тусклые лампы прятались под железными колпаками.

– Зернова, что с тобой?

Тело не слушалось, Полина безвольно уронила голову на

плечо, оборачиваясь.

За спиной учительницы выросла черная тень. Свет из большой комнаты, где сидел класс, делал идущего огромным и страшным.

– Ну, здравствуй, невеста! – пропел неприятный козлиный голос.

Полина завизжала. Она больше не могла держать этот ужас в себе. Он рвался из нее, когтями полосовал все внутри, выворачивал страх наружу.

В себя Полина пришла от методичных хлопков. Она сидела на табурете, запрокинув голову, а Зоя Игоревна от души хлестала ее по щекам. Голова болезненно дергалась от каждого удара. Но в целом ощущения были даже приятные.

За учительницей стояли ребята, они все видели – это разозлило. Пока Полина была со своей бедой один на один, пока пряталась и пыталась что-то объяснить Олёнке, все еще можно было исправить. Теперь же наступал конец, окончательный и бесповоротный. За ней начнут следить, ее станут высмеивать, в каждом взгляде будет читаться: «Попалась!»

– Все прошло, – отвела Полина занесенную руку.

– Ты его знаешь?

Кажется, Зоя Игоревна спрашивала о черной тени. Полина покачала головой. Взгляд невольно уплывал. Как же это все было стыдно и тяжело.

– Что? – оглянулась на подопечных Зоя Игоревна, и в голосе у нее не осталось ни утреннего задора, ни веселья. –

Доели? Пошли отсюда. Скоро экскурсовод придет.

К Полине тут же подскочила Олёнка:

– Ой, ты чего там, а? Крысу увидела? А чего он тебя невестой назвал?

– Это он не меня.

– Невестой? – Зоя Игоревна совершила мгновенное перемещение в пространстве от входной двери обратно к табурету, на котором сидела Полина. – Зернова! Что все это значит?

– Не было ничего! – вскочила Полина. – Тебе показалось! – посмотрела она на Олёнку.

– Миски убирать? – послышался напевный, с мягким акцентом голос.

– Быстро все на улицу!

Учительница вцепилась в локоть Зерновой, выволокла ее на воздух. Полина дернулась, чтобы удрать. Люди! Вокруг было слишком много людей. От них хотелось спрятаться, залезть в неприметную щелку, чтобы никто не нашел.

– Стоять! – прошипела Зоя Игоревна.

Солнце все так же приветливо переливалось в высоких городских окнах, воздух был полон голосов и смеха, брусчатка площади звоном отзывалась на сотни шагов. Мрачная Ратуша нависла над идущими тяжелой каменной тушей, поскрипывал на шпиле Старый Тоомас.

Зоя Игоревна впервые за сегодняшний день пересчитала свой класс. Четырнадцать человек. Все на месте. Четыре

мальчика, десять девочек.

– Что с тобой произошло? – склонилась она к Полине. Вокруг сомкнуло кольцо из любопытных – всем хотелось знать подробности.

– Ничего, – замотала головой Полина. Если и рассказывать, то не при всех. А лучше вообще молчать!

Зоя Игоревна оглядела собравшихся. Все смотрели на нее. И только Олёнка прятала взгляд. Да Ожич смотрел в сторону. Что-то бормотал себе под нос. Эти что-то знают. С них и надо было начинать.

– Голодных нет? – коротко спросила учительница.

Толпа качнулась, словно пытаясь найти и выдавить из себя особо голодных.

– Пожрать бы еще, конечно, можно, – знакомо протянул Макс Макс, нервно дергая йо-йо.

Зоя Игоревна перехватила летящую катушку.

– Максимихин, Ожич, – назвала она. – Кожина. – Снова пробежала глазами по лицам. – Кудряшова, – добавила на всякий случай. – Со мной. Остальные гуляют по площади. Если хотите, отправляйтесь в гостиницу, она здесь за углом. На разграбление города я вам даю час, потом жду на этом же месте, мы отправляемся на экскурсию. И выброси эту гадость, – с яростью прошептала она Макс Максусу.

Толпа качнулась, но расходиться не торопились. Названные с достоинством пошли за учительницей. Оставшиеся девчонки погломонили, обсуждая случившееся и бросая за-

вистливые взгляды на уходящих. Всем хотелось узнать, что произошло. Что за человек? Почему невеста? Неужели Зернова ночью с кем-то встречалась?

Но все это были только разговоры, что произошло на самом деле, никто не знал, поэтому девчонки, высказав свои желчные комментарии, разлетелись по призывно запахнутым магазинам. Ромка потопал за ушедшим приятелем. Оставшийся Альберт Хазатов сплюнул под ноги, тоскливо оглядел площадь и никуда не пошел. Присел около ближайшей свободной от кафешек и рекламных щитов стены. Рядом с ним опустился черноволосый парень. Какое-то время они демонстративно смотрели в разные стороны. Но вот Альберта чуть не снесла толпа японских туристов, и он выругался, пересаживаясь удобней.

– Не протолкнешься, – по-русски согласился молчавший до этого сосед.

Скорее от неожиданности, чем от желания общаться, Альберт ответил.

Тем временем Зоя Игоревна привела свою гвардию в кафе, прятавшееся на задворках магазина марципанов. Не спрашивая, всем взяла чай и пирожное, усадила за длинный угловой стол.

После темного подвала таверны кафе казалось слишком солнечным, как-то даже чересчур пронизанным светом. Огромные витрины, легкие стулья с высокими спинками, столики на гнутых ножках. В этой просвеченности было спо-

койно и надежно. Полина сидела, равнодушно глядя перед собой. Макс Макс теперь уже, казалось, назло Зое Игоревне гонял вокруг рук ярко-синюю катушку. Олёнка имела вид человека, знающего страшный секрет: таинственно сверкала глазами и улыбалась. В Таниной душе смешивались два чувства – любопытства и сочувствия. Очень ответственная была девушка. Сарымай как всегда вздыхал. За высокими витринами маячил Ромка, но на него особенно и не смотрели, заняты были своими переживаниями.

Зоя Игоревна принесла поднос с едой. Чашки мгновенно разобрали, так же быстро съели пирожные и с тем же рвением занялись прежними делами.

– Кожина, – негромко позвала учительница. – Куда Зернова вчера ходила?

– Не ходила я никуда!.. – начала Полина и осеклась. Врать не получалось. Но говорить правду было нельзя. Ни в коем случае нельзя! Беда может случиться. Поэтому она выразительно глянула на Кожину. Та пальцем размазывала чайную лужицу по столу.

– Может, на первом этаже сидела? – стала выкручиваться Олёнка, уходя от прямого ответа. – Утром-то консьержка ругалась...

– Кожина! – Зоя Игоревна утомленно отмахнулась от лишних слов. – Куда ходила Зернова?

– Куда-то на улицу, – сдалась Олёнка.

– Что за мужчина? Ты с ним знакома? – жестко спросила

учительница.

Полина побледнела, догадавшись, куда клонит педагог. Неужели Зоя Игоревна хочет сказать, что она пошла на улицу встретиться с черноволосым, что она с ним переспала? Кожица, глянув на нее, замахала руками, чуть не опрокинув свою чашку.

– Что вы! – закричала Олёнка, пытаясь защитить онемевшую от ужасного обвинения подругу. – Она ни с кем не встречалась. Ее змеи позвали! Она их целую тучу видела!

Макс Макс привычно хихикнул, откладывая йо-йо. Сарымай выдохнул свое «однако». Полине очень хотелось спрятать лицо в ладони, а лучше вообще залезть под стол. Но она не сделала ни того, ни другого. Тревога завладела ее душой. Выхода не было. Сил не осталось жить.

Первым не выдержал Макс Макс.

– И чего змеи? – пробубнил он, от волнения подхватывая пустую чашку. – Не покусали же они ее. А мужик их хозяин, что ли?

– Даже если укусили, это не смертельно. – Зоя Игоревна не отрываясь смотрела на Полину, как будто на девочке после ночной прогулки должны были проступить тайные знаки. – Здесь водятся полозы, а они не ядовиты. Зернова, что ты натворила?

– Я тут ни при чем! – не выдержала Полина пристального взгляда. Умереть, умереть! Скорее умереть! Как учительница могла подумать о ней такое?

– Как ты на улицу попала?

– Меня позвали! – в отчаянии крикнула Зернова.

– Началось! – Учительница тяжело навалилась на стол. –

Тебя позвал этот мужчина? Что он с тобой сделал?

– Не было никакого мужчины! Я к Олевисте ходила. Там еще ниша со скелетом.

Да, да, этот скелет Зоя Игоревна сама показала своим подопечным. И змею на скелете. Тогда казалось, что это прикольно. А они все пугливые какие-то. Скелет из железа увидели – сразу бежать и прятаться.

– А невеста тут при чем?

– Это змеи сказали! Еще они говорили, что снова меня позовут.

– Что за бред? – возмутился Макс Макс – надо было на чем-то сорвать свое раздражение от непонимания происходящего. И – немного от испуга.

– Как же змеи могут звать в церковь? – пискнула Олёнка. – Это же святое место!

– Какое же оно святое, если церковь черт строил? – возмутилась Кудряшова. Ей было неприятно, что все внимание забирает эта невзрачная Зернова. С чего ей такой почет?

– Почему вдруг черт-то? – подал голос Сарымай.

– Чем ты вчера слушал? – накинулась на него Таня. – Нам Зоя Игоревна рассказывала, что эту башню согласился построить один мужик, а в уплату потребовал, чтобы заказчики узнали его имя, иначе он возьмет с них три мешка золота.

– И что? – вклинился в их спор Макс Макс.

– Наверняка тот мужик душу дьяволу продал, иначе как он мог так быстро все построить? И почему разбился, когда купцы его имя узнали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.